

- Действительно, среди 70 моих картин это единственная адаптация чужого литературного произведения, а в моей биографии - вообще большая авантюра. Автор повести «Синяя борода» крупный писатель XX века Макс Фриш недолюбливал кино. Хотя, как он мне не без гордости заявлял, заработал на продаже прав на экранизацию своих вещей больше денег, чем за их книжные издания. Голливуд и европейские студии охотно заключали с ним договоры. Однако во всех документах Макс Фриш обязательно прописывал условие: за ним остается право утверждать сценарий. В этом и был подвох, потому что писатель за всю свою жизнь не утвердил ни одного сценария.

На закате жизни, когда ему было уже за 70, швейцарцы и немцы (Фриш писал на немецком языке) задались целью выпустить хотя бы одну прижизненную экранизацию своего классика. Как ни странно, они обратились ко мне - поляку, иностранцу. Свое необычное решение они мотивировали так: если у меня хватило дипломатических способностей получить невероятное трудное разрешение Ватикана и снять документальный фильм о жизни Папы Римского, то, может быть, и с Максом Фришем найду общий язык.

Я выбрал одну из последних и, по моему, удачных фришевских повестей «Синяя борода». Там все действие происходит в зале суда, где за убийство судят человека, у которого было так же много жен, как и у сказочного персонажа. За недостатком улики его оправдывают и отпускают, но подсудимый уже так «завелся», что мысленно продолжает судить себя сам. Во всей этой истории меня привлек момент перехода от реальности к полной фантазии, который надо было сделать так, чтобы зрители ничего не заметили.

- А разве самый снимающий режиссер Европы Кшиштоф Занусси может себе позволить роскошь написать сценарий «в стол»?

- Конечно, нет. Я это сразу же и объяснил Фришу при встрече. Он меня принял в своих швейцарских апартаментах, угостил чудным обедом, и когда разговор дошел до нашего дела, я ему объяснил, что вообще-то снимаю авторское кино. И поскольку только один раз в виде исключения взялся за экранизацию чужой книги, то хочу всецело послужить писателю и обязуюсь, насколько это возможно, в будущем фильме не выказывать свое авторское эго. «Однако вы должны мне поверить. Я оставляю вам кассеты с моими фильмами. Посмотрите их и дайте мне твердые гарантии», - сказал я Фришу. - Я не могу работать влустую». Писатель тут же ответил, как отрезал: «А я не могу вам поверить».

Примерно в таком духе мы провели еще несколько деловых обедов. Время уходило. Немецкие продюсеры теряли терпение. И вдруг мне в голову пришло забавное решение. Я ножницами вырезал из книги Фриша все те места, которые меня интересовали. Вырезки наклеил в тетрадь и отправил писателю. Фриш развеселился и сдался. Потом я, конечно, написал свой сценарий, а в одном из эпизодов снял самого Макса Фриша. После чего писатель уже никак не мог сказать, что он здесь ни при чем. Ему бы просто никто не поверил. Фильм вышел в 1983 году и получил на Венецианском кинофестивале Большой приз. С тех пор прошло больше 20 лет, и сейчас меня здорово порадовал переполненный кинозал на утреннем сеансе в Гатчине. Я-то всегда считал себя камерным режиссером...

- В одной энциклопедии сказано, что в польском кино у Занусси «амплуа холодного рационалиста, бесстрастного исследователя нравов современной польской интеллигенции, склонного к постановке самых сложных экзистенциальных проблем». Вы согласны с этим определением?

- Боюсь, это сказал критик, который видел совсем немного моих картин, и подбор был явно тенденциозным. А вообще определение в энциклопедиях грешат однобокостью рекламного слогана. Как можно чье-либо творчество обозначить в нескольких словах?! Я сам в себе еще многое не понял.

- Ваше мировоззрение сильно изменилось с тех благодатных времен, когда Польша вместе с другими странами Варшавского договора строила социализм?

- Поляки никогда не хотели в этом участвовать, но нас не спрашивали.

Кшиштоф Занусси:

ПРОДАВАТЬ МОЖНО КАПУСТУ И ТАЛАНТ, НО НЕ ДУШУ

ЗНАМЕНИТЫЙ РЕЖИССЕР ЗАНЯТ БОЛЬШИМ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИМ ПРОЕКТОМ

С Кшиштофом Занусси удалось поговорить в Гатчине, куда польский режиссер был приглашен на кинофестиваль экранизаций «Литература и кино» представлять «Синюю бороду» - единственную картину, снятую им не по своему оригинальному сценарию, а по чужой повести. Кстати, спустя несколько дней Санкт-Петербургский университет кино и ТВ удостоил Занусси звания «Почетный доктор», что можно считать своеобразным подарком к 65-летию юбилею, который выдающийся польский режиссер недавно тихо отметил. А нашу беседу в Гатчине мы начали с загадочной «Синей бороды».

Социализм был неким несчастным бредом, который пришел к нам из Советской России. Порядочные люди в Польше сторонились советской идеологии. Вам, наверное, это сложно себе представить, но в нашем кругу было зазорным, например, принимать у себя в доме членов партии - людей, которые, как мы считали, продали свою родину. Такие настроения были особенно явными последние 20 лет существования режима. Так что в новые времена мне и моим друзьям меняться не пришлось.

- Как вам удается совмещать в себе такие разные профессии, как режиссер кино и театральный постановщик?

- Я считаю их родственными. В театральной работе мне интересен психологический поиск. Не люблю слово «эксперимент». От него веет чем-то неестественным. Экспериментальное искусство - это на продажу. Это коммерция. А для меня театр - место, где можно не спеша подумать над словом, жестом, поступком. Но так получается, что в театре я работаю почти только за границей. В Польше у меня было всего две постановки. А около 30 пьес я поставил во Франции, Германии, Италии, Швейцарии... Мне нравится проникать в менталитет других народов, сравнивать культуры разных стран. Иногда я соглашаюсь поработать где-либо не столько из-за интересной пьесы, а потому что еще не жил в той стране. Кстати, в России я несколько раз ставил свои пьесы, в том числе и во МХАТе.

- Вы профессор многих университетов мира и почетный доктор ВГИКа. Наблюдая за современной молодежью, у вас не сложилось впечатление, что деньги ее испортили?

- Нет, не думаю. Какие времена - такие и студенты. Молодым я не судья. В свое время они просто придут и покажут, что умеют. Те студенты, с которыми я встречаюсь в Москве на Высших курсах сценаристов и режиссеров, мне интересны. Это уже сформи-

ровавшиеся личности и сильно отличаются от первой, 6-7-летней давности, волны русских бизнесменов, которым повезло заработать большие деньги, но образ жизни делового человека оказался чужд их душе, и они пошли учиться. Теперешние мои студенты более оптимистично смотрят в будущее. Не знаю, какие у них шансы снимать свое кино, но я сам кое-чему от них учусь, узнавая о жизни молодых как бы из первых рук. Я пытаюсь их научить умению раскрывать себя, не предавая души и чести. Капусту надо продавать и талант тоже, но душу не продавайте никогда! А большинство моих студентов в Западной Европе совсем юные ребята, которые пришли в кино от нечего делать, случайно. Это плохая мотивация.

- Культура современного мира все больше становится атеистичной. А польский кинематограф всегда старался отражать христианскую точку зрения на мир. Тема религии по-прежнему актуальна для режиссера Занусси?

- Для меня тема христианства будет интересна всегда. А для мира по-разному. Без религии как-то обходится атеистический Китай, но не может существовать глубокое вероучение Индия. И, заметьте, в обеих этих странах по миллиарду населения. Очень сильные религиозные чувства в Америке. А вот в Западной Европе, вы правы, они пошли на спад. Но в целом сейчас стало меньше безверия, чем, скажем, было 20 лет назад. Прямолинейный атеизм теперь не в моде. И все чаще определенные религиозные переживания находят воплощение в искусстве. Вот, например, модный сейчас кинематограф в духе Ларса фон Триера. Там есть некое духовное пространство, но это метафизика без этики. Считаю, что это примитивный подход. Но, к сожалению, такое кино сейчас хорошо продается.

Также в последние годы появилось много людей, которые пытаются создавать и распространять по миру но-

вые формы религии. Часто это похоже на потуги незадачливого автомобилиста, который взял двигатель от БМВ, кузов от «мерседеса», колеса от КамАЗа, салон от «жигулей» и пытается все это собрать вместе. Ведущие мировые религии впитали в себя человеческий опыт многих тысячелетий, и сейчас наивно опять все начинать с нуля.

- На протяжении последних 10 лет вы являетесь консультантом Комиссии по делам культуры в Ватикане. Подобные обязанности не сковывают вас как художника?

- Нет. И то обстоятельство, что я верующий человек, несколько меня не ограничивает, это сознательный выбор. В христианстве есть свои догмы, но они мне не мешают, а лишь направляют мою интуицию в нужное русло. Мои обязанности в Ватикане носят характер общественной деятельности. Я там присутствую на разных заседаниях, кого-то ругаю, интересуюсь, какие книги читают епископы, какие фильмы или спектакли смотрят. Некоторых из них это раздражает. Но я все равно требую, чтобы они были в курсе современного искусства. И знаете, современная каноническая церковь стала более снисходительной. Приходит понимание, что у художника могут быть мысли, с которыми церковные деятели не всегда согласны. Хотя случаются и конфликты. Тогда я себя утешаю тем, что даже такой крупный мыслитель, как Лев Толстой, тоже конфликтовал с официальной церковью. Однако предпочитаю все улаживать мирным путем. Я всегда гордился тем, что мог контролировать свои чувства и никогда не действовал спонтанно. Мой отец, как многие итальянцы, был очень темпераментным человеком. Поэтому при Сталине он неоднократно сидел в тюрьме. И я с детства понял, что, давая волю взрывным эмоциям, нельзя оставаться в безопасности. Поэтому я приучил себя: сначала семь раз подумай, а потом один раз сделай.

- Вы как руководитель киностудии не понаслышке знаете проблемы кинопроизводства. Как сейчас выживает польское кино?

- К счастью, сегодня в Польше зритель отдает предпочтение отечественным фильмам. Польское кино составляет до 50 процентов от общих сборов в прокате. Это неплохой показатель по странам Европы. Например, в Германии свои картины смотрит только около 12 процентов немцев. В последнее время я пытаюсь вникнуть в механизм кинорынка России, но пока мало что понимаю. От российских коллег слышал, что у вас все еще не выстроен кинопрокат, который среди всего прочего должен эффективно защищать национальные интересы. В этом смысле в Польше дела идут получше. В наших кинотеатрах уже не жуют, потому что нельзя скрыть количество проданных билетов, не уплатить налогов и отчислений продюсеру. Оказывается, жесткий контроль не так уж сложен. Вы же понимаете, что если нет стабильного дохода от проката, если деньги не возвращаются продюсеру, а исчезают где-то по дороге, то вся конструкция кинопроизводства на ногах стоять не будет.

- Знаменитая торговая марка электротехнических товаров «Занусси» имеет к вам какое-то отношение?

- Это моя далекая родня, с которой мы разделились более века назад. Скоро выйдет книжка, где я подробно рассказываю о смешных и нежных взаимоотношениях с моими итальянскими родственниками. Они никак не могут понять, что я делаю в Польше и почему занимаюсь таким несерьезным делом, как кино. А я недоумеваю, как можно заниматься холодильниками. Мы не вмешиваемся в дела друг друга. Но благодаря общению с ними я узнал много интересных вещей из мира бизнеса. Кстати, фирма «Занусси» уже в руках шведской компании «Электролюкс», а та частично выкуплена японцами. Вот такая невеселая судьба постигла семейный бизнес итальянской ветви Занусси.

- В ваших планах есть какие-то проекты совместной работы с российскими кинематографистами?

- Сейчас я работаю над фильмом по моему сценарию «Персона нон грата». Таким термином определяют юридический статус дипломата, которого со скандалом выдворяют из страны. Это история о взаимоотношениях польских, российских и западных дипломатов. О взаимных подозрениях, недоверии и при этом восхищении работой друг друга. Главным героем, стареющий российский посол в одной латиноамериканской стране, считает свою жизнь проигранной, а идеалы - разрушенными. Единственное, что примиряет его с жизнью - это любовь к молодой русской девушке... После играет Никита Михалков. Он же выступает продюсером проекта. С польской стороны участвуют такие звезды, как Збигнев Запасевич и Даниэль Ольбрыхский. Картина историческая лишь отчасти. Все-таки кинофильм не учебник по истории. Но некоторые очень важные исторические эпизоды взаимоотношений Польши и России, о которых раньше нельзя было говорить, хотелось бы раскрыть.

Я, например, считаю, что наши страны бездарно упустили свой шанс на создание мощного буфера между Европой и Азией. Или вот конкретный пример. Несколько лет назад я был по делам в Московском патриархате. Там в холле заинтересовался картиной, где изображен один из бывших патриархов России, умирающий в тюрьме. Его замучили поляки. Я не поверил, подумал - пропаганда. Потом навел справки. Оказалось, что все так и было. (Патриарх Московский и вся Русь, чудотворец и священикомученик Гермоген был заморен голодом в тюрьме поляками и русскими изменниками в 1612 году за то, что в Смутное время запретил москвичам присягать польскому королю Сигизмунду и всячески сопротивлялся воцарению на русском престоле иностранных претендентов. Спустя полгода после его смерти поднятое его пламенными посланиями ополчение Минина и Пожарского освободило Москву от польских интервентов. - Прим. А.С.) Мне стало стыдно за своих земляков. Сейчас мы должны набраться мужества и признать ошибки наших предков. И попросить друг у друга прощения.

Беседу вел
Анатолий СТАРОДУБЕЦ